

Прозамски Лит Култура 2018

Издательский проект ЛитКульта

Сергей Павлов

Прозаики ЛитКульты 2018

«Издательские решения»

Павлов С.

Прозаики ЛитКульты 2018 / С. Павлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967541-5

В этом сборнике мы публикуем тексты победителей, призёров и постоянных участников наших литературных чемпионатов, конкурсов и героев ленты прозы. Творчество этих авторов уже давно обрело популярность в сетературе. Настало время публиковаться в печатном виде! Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-967541-5

© Павлов С.
© Издательские решения

Содержание

Ольга Красова	6
Свежевыжатая непорочность	6
Сергей Павлов	10
Печево	10
Теория кусочка	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Прозаики ЛитКульта 2018

Авторы: Красова Ольга, Павлов Сергей, Поплавская Надежда, Веткина Татьяна, Кадина Анастасия, Синеева Тамила, Островская Аксана, Серж Кокс, Иванова Виктория, Гро Юлия, Вощенко Любовь, Шими Кун, Постных Иван, Галл Анастасия, Вуртбарков Ирмерг, Александрова Алёна, Туманян Мирра, Бударин Андрей

Дизайнер обложки Яна Малыкина

Редактор Дмитрий Волгин

Редактор Оксана Смирнова

- © Ольга Красова, 2019
- © Сергей Павлов, 2019
- © Надежда Поплавская, 2019
- © Татьяна Веткина, 2019
- © Анастасия Кадина, 2019
- © Тамила Синеева, 2019
- © Аксана Островская, 2019
- © Серж Кокс, 2019
- © Виктория Иванова, 2019
- © Юлия Гро, 2019
- © Любовь Вощенко, 2019
- © Шими Кун, 2019
- © Иван Постных, 2019
- © Анастасия Галл, 2019
- © Ирмерг Вуртбарков, 2019
- © Алёна Александрова, 2019
- © Мирра Туманян, 2019
- © Андрей Бударин, 2019
- © Яна Малыкина, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-7541-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ольга Красова

Свежевыжатая непорочность

Облепленный шелухой и сигаретными окурками трамвай с астматическим свистом подкатил к остановке и вызывающе дёрнулся. Несколько безбилетников, восхищённо матюгаясь, соскользнули с крыши и ткнулись мордами в почерневшие слякотные наносы. Уцелевшие «зайцы» сбились покучнее и, зачерпнув новые горстки семечек, многорото залузгали. Трамвай атаковали новые пассажиры. Большинство ловко вскарабкалось на крышу, зажлобив плату за проезд и, плюнув в лобовое стекло вагоновожатому. Те, кто порасточительнее, столпились у двери.

Вагоновожатый, потакая одному ему ведомым предрассудкам, к своим будущим пассажирам был весьма избирателен. Вот и в этот раз он подождал, пока по ступенькам, отфыркиваясь от летящей с крыши лузги, заберётся мужчина, и нажал кнопку закрывания дверей, едва не расплющив дверью ступившего на нижнюю подножку ветхого старичка со странным взломаченным рюкзаком за плечами, похожим на большую дохлую курицу. Злорадно тренькнув, трамвай тронулся. Тощеносый старичок соскользнул с подножки обратно в зловонную пасть безжалостной улицы. Облезлые, посеревшие от времени крылья за его спиной трепыхались на ветру в тщетных попытках раскрыться. «Ничего святого!» – брюзжал себе под нос старик, собирая с замызанного асфальта вырванные перья.

Мужик, облагодетельствованный вагоновожатым, с криком протиснулся через турникет и отдышался. Дюжая конструкция тела, раскосые глаза и татуированные щёки придавали ему сходство с вышедшим в отставку японским оябуном. Глыбистый, красный от хронического злопамятства и одутловатый от информационного токсикоза, он, сверкая крохотными угольками зрачков, шагал по салону в поисках места. К груди бережно прижимал свёрток. Свёрток кряхтел и шебаршился. Из прорванного в середине отверстия высунулась пупырчатая рачьа клешня.

Последний в этом городе трамвай был полупустой. Не считая жмотов-безбилетников, скребущихся на крыше. Пассажир с раками прошёл весь салон и придиричиво оглядел свободные сидения. Его любимое место у окна занимала полусонная старуха с пологим профилем. Она, закатив глаза, посасывала курительную трубку и гудела пустым брюхом. Мужик демонстративно пошуршал свёртком.

– Вам уступить? – апатично проблеяла старуха, рыгнув мужику дымом в лицо.

– Неплохо бы, – ещё крепче прижав к себе свёрток, буркнул он и многозначительно посмотрел на висящую над сидением табличку с надписью: «Места для пассажиров со свёртками, тюками и кулёчками».

– На сидении для курящих распростёрлась беременная. И ведь не курит же! – поднимаясь, попыталась оправдаться старуха и сплюнула себе под ноги. Мужик скосил один глаз на уквашенный плевок, одобрительно хмыкнул и завертел головой.

Через проход он приметил ещё одну старуху. Какой, однако, загадочный вкус на старуху вагоновожатого!

Эта, вторая, выглядела поспособнее, понажористее. Кряжистая, гладкокожая, с приятным осуждением во взгляде. Подле старухи на соседнем сидении тряслась безвласая собачонка, клацающая в гнилых зубах красный «Чупа-чупс». Лысая псина зыркнула на мужика, перекатила леденец за щёку и оскалила кариозную челюсть. Раки в свёртке, почувствовав опасность, жалобно захныкали. «Цыц, родненькие» – шепнул он свёртку, произвольно баюкая его, как младенца.

Впереди мужика сидело что-то двусмысленное, бесполое. Неподвижное и косматое. «Совсем уже разборзелись – манекенов вместо себя в трамваи пихают!» – клокотал про себя мужик. Он пнул кулаком сидение. Манекен качнулся. Безвольная шея хрустнула, уронив на плечо осквернённую дредами голову. Мужик, ухнув, отпрянул. Трамвай при повороте скопился набок. Послышался лязг отлетевшего колёсика. Голова манекена перевалилась на другое плечо. Мужик вскочил, намереваясь отшвырнуть мельтешащий манекен из кресла.

– Мертвяк. Не тормози, – услышал он голос справа.

Повернулся в сторону старухи с собачонкой:

– А кто ему проезд оплатил? Гробовщик?

Бабка укоризненно покачала головой и pokrutila пальцем у виска. Её нутро произнесло:

– Пентюх ты. Мёртвые уже ничего не должны.

Мужик пристально смотрел на старуху, на её неподвижный, как будто зашитый рот и силился угадать, каким местом та выбрасывает слова.

– Не высматривай – не отыщешь, – донеслось от старухи. Мерзкая собачонка сморщилась от смеха.

Мужик искоса разглядывал ротовое отверстие старухи: иссохшее, испещрённое поперёк морщинами—трещинами, чёрными от глубины. Морда гладкая, как ляжка, а рот в бороздах! Не выдержал и, привстав с сидения, подался вправо. Рыхлые старухины губы, словно кто-то обметал суровым скорняжным стежком. Мужик присвистнул. А пасть-то у карги и впрямь зашита!

Старуха, заметив ёрзанье досужего здоровилы, смешалась на секунду и занервничала. Штопаный рот задёргался пойманной гусеницей, ноздри растрескались. Выдохнув внутрь себя, старуха унялась. Коснулась рукой чёрного шерстяного узелка над губой, похожего на родинку, подкрутила его, подтянув шов. Гусеница замерла ровной горизонтальной линией.

Напольный динамик шепелявым детским голосом объявил остановку. Трамвай замер, шваркнул дверями, выплюнув кого-то из пассажиров. По потолку зазмеились трещины – безбилетники расковыривали крышу в надежде низвергнуться в салон.

Мужик, подперев кулаком лоб, задремал. Содержимое свёртка осторожно полезло наружу. Сцепившись клешнями, членистоногие дружно спустились на пол и с победоносным гаком разбежались по салону трамвая. Мужик проснулся от громкого хохота и со страху чихнул.

– У вас на нижней губе рак болтается! – сквозь похожий на ослиный рёв смех сказала девушка.

Мужик, оторопело глядя на незнакомку, содрал рака с припухшей губы и метнул за плечо. Девушка продолжала давиться от смеха. Складная, полнокровная, ещё, должно быть, не скурвившаяся от безнадёги и житейских мерзопакостей.

Пунцовые щёки с ямочками—воронками, рыжие кустистые ресницы в тон напомаженному ирокезу. Мужик сглотнул слюну и задохал. Незнакомка, переступив окончательно свалившегося с сидения мертвеца, присела к мужику и отвесила ему шелбан. Оскорблённый лоб всплакнул испариной. Мужик тут же смолк. Губы девушки шевельнулись улыбкой. Мужик облизнулся – они были похожи на две спелые и сочные мандариновые дольки. Нежно-оранжевые, с белыми прожилками, набрякшие и ароматные. Его глаза налились кровью сладострастия, челюсти заскрипели, высекая искры иступления. Он непроизвольно потянулся к девушке.

– Всё блудишь? – громыхнуло справа.

Рыжая испуганно пискнула и обернулась.

– Ой, ба! И ты тут! – воскликнула девушка.

– Повелась на раков и от старухи нос воротить? – чревовещала карга. Псина нахохлилась и сипло твякнула, приветствуя девушку.

– И Зоя Павловна здесь! – подмигнула девушка собаке.

– Хоронить везу, – объяснила старуха и притворно всхлипнула.

– Ба, а тебе не кажется, что Зое Павловне ещё рановато колеть?

– Старая она. Пока доедем – помрёт.

Зоя Павловна повалилась на спину, сложила передние лапы на впалой груди и вывалила язык, угождая дальновидной хозяйке отрететированным умением помирать. Леденец с хруском провалился в глотку.

– У-у-у, послушная шалашовка! – старуха похлопала вздувшееся, как волдырь, псячье пузо.

– Куды чешешь-то, колобродница? – спросила она у внучки.

– До конца, ба, – щёлкнула языком рыжая и ободряюще подмигнула старухе.

– А-а-а! Ну, дык все, значит, туды. – рывкнула чревовещательница и отвернулась к окну.

Мужик изрешечивал взглядом девицу, пока та ворковала со старухой. С жадностью он приглядывался к каждому девичьему жесту и телесным достоинствам. К её редким, заплетённым во французские косы бровям. Мимика у девицы была живой, беззастенчивой. При улыбке дырчатые щёки морщились складками и ходили ходуном, как меха аккордеона. А губы... Губы! Мандариновые дольки, чуть спёкшиеся по краям, наливались жирной мякотью, увлажняясь цитрусовыми шипящими слюнями. Они звонко шлёпались друг о дружку, разъезжались улыбкой и прикусывались чуть выпирающими, но изрядными зубами. Мужик опасался, что с очередным прикусом мандариновые дольки лопнут, цитрусовый нектар брызнет во все стороны, и рваные ошметки губ жмыхом раскрошатся по подбородку.

Не в силах терпеть адский искус, мужик подался вперёд, сгрёб девицу за ворот и впился в её мандариновые уста. Девица по-щучьи дёрнулась, заурчала и обмякла. «Так вот она какая – свежеевыжатая непорочность!» – думал мужик, прожорливой пиявкой присасываясь к губам соседки по сидению. С громкими хлюпами и причмокиванием он интенсивными глотками хлебал живительное целомудрие.

Старуха хитро щурилась, наблюдая, как обладатель раков пожирает внучкины губы. Худосочная Зоя Павловна, забравшись к хозяйке на плечо, растроганно слезоточила, сморкаясь в старухин воротник. Мертвец, тюком мотавшийся по полу салона, привстал на четвереньки и заколебался. Выблевав непрожёванные обиды, он стряхнул окоченение и непонимающе уставился на целующуюся парочку.

Его выразительное крысиное лицо исказилось гримаской умиления. Плоскомордая старуха с трубкой залюбовалась воскресшим существом с дредами. Зазывно подмигнула ему и, обезобразив лицо улыбкой, хлопнула себя по хрустящему заду. Только беременной женщине зрелище было неинтересно. Возможно, потому что она сошла на предыдущей остановке.

Ошалевший от переизбытка витаминов мужик вдруг закашлялся. Отпихнул от себя девицу, опёрся руками о свои колени, продолжая кашлять и хрипеть. Его хлябь исторгла что-то маленькое и проворное. Потом ещё одно и ещё.

– Тьфу! Дольки-то костлявые! – кукожился мужик, отплёвываясь от мандариновых косточек, которые разлетались в разные стороны. – Что ж не предупредила? Перезрелые!

Девица шевелила высосанным ртом, но едва ли произносила хоть один звук – истончившиеся, лишённые мякоти шкурки тряпично болтались, как облезшая от избыточного загара кожа. Беспомощно моргая глазами, она потянула омертвелые шкурки и оторвала их. Скомкала в маленький шарик и стыдливо убрала в карман.

Старуха тряслась и вибрировала от хохота, который большим комом дрыгался у неё во чреве, как проглоченный футбольный мяч. Гусеница её рта то сворачивалась в кружочек, то вытягивалась чёрной линией. Шерстяной шов лопнул, рот отверзся эскалаторным ковшем,

жухлый язык вылетел изо рта и приклеился к влажному оконному стеклу никлым осенним листом. Зоя Павловна плаксиво задрезжала, вытянулась фрагментом арматуры и нескоропостижно издохла.

Трамвай, кладя болт на остановки, набирал скорость. Динамик истерил детским плачем. Притихшие раки, крестясь клешнями, залегли под сидениями. Выхаркнув все косточки, мужик встрепенулся, вынул из кармана смятую купюру и сунул безгубой девице. Ловкая старушечья рука перехватила купюру и спрятала в карман пальто.

– На новые нитки! – объяснила старуха, зажимая пальцами губы. Без шва её рот расползался как изъеденный молью свитер. Заметив давшую дуба Зою Павловну, старуха подняла труп с сидения и захихикала – из анального отверстия дохлой собачонки торчала палочка от «Чупа-чупс».

– Старая скалдырная проблядушка. – икая от всохотов, бранилась старухина утроба.

Рыжая девица умоляюще посмотрела на мужика. Тот, скумекав, достал ещё одну купюру. Убедился, что старуха не тарашится в их сторону, молча отдал девице. «На два кило мандаринов хватит» – виновато сказал он и выплюнул очередную косточку. Девица прогоркло зевнула, забралась к нему на колени и по-кошачьи склубочилась. Рыжий ирокез примялся, упершись мужику в пах. Мужик не роптал. Он мечтал о новых мандаринах, нежно-оранжевых с белыми прожилками.

Трамвай, растеряв оставшиеся колёса, дополз до депо, открыл двери и обесточился. Раки шмыгнули наружу.

«Пойду и я напоследок ознакомлюсь» – отважилась старуха, вставая с места. Спотыкаясь о распахнувшийся, болтающийся под ногами рот, она наощупь пробиралась по салону. Рванув на себя дверь водительской кабины, старуха отшатнулась:

– Вот те на!

На пустом сидении водительского кресла, обтянутого заводским целлофаном, не было даже сколь-нибудь заметной вмятины или продавленности.

– Иде же ты, миленький? – вопрошала старуха, поднимая с пола безвольный рот. – Мы же так в тебя верили!

Медленно оседая на пол, старуха завывала.

Сергей Павлов

Печево

А зовут меня Достослад Неспростатович, следователь прокуратуры, вот кто я. И пришло ко мне дело, сижу расследую. Яишницу, конечно, кушаю, и молочком горячим со сливочным-то маслом припиваю. Один сижу, а никто мне и не нужен. Следователь я знатный, и штаны у меня новые, кремовые. Вот так вот сейчас ножку выставлю в проход, чтоб лучше видно.

Здесь-то, на полу, как раз у моей ножки, и расположено покойное тело. Судя по всему – девушка. Голая судя по всему.

Вот, чем хорош кремовый цвет? А он так мягонько как будто намекает на обаятельную мою интеллигентность. Да, и доброту ещё. И важность. Важность следствию важна. А я, так самый важный во всей прокуратуре следователь. А стульчик тут какой-то узковатый, ну да ладно. Идёт мне очень кремовый, и с кожей сочетается чудесно.

Да. Кожица моя, скорлупка. Дотронуться-то жалко. А я дотронусь. Гладкая кожа на щёчке. Вот смотришь в зеркало на кожу на свою, подолгу смотришь. Оттенком желтовата, но с сереньким чуть-чуть. Такой, представьте, цвет: от бледно-золотистого стремится к лёгкому слоновому, но не доходит до него. Да, не доходит. Вот какая кожа у меня!

И рядом с этой кожей покойница лежит. Ну, что ж поделать? Сейчас расследую я это дело. Да, да, расследую в два счёта.

Добавочку мне принесли, хо-хо! Не помню, говорил ли вам: сижу-то я в ресторане. Поскольку, где случилось дело, там следователю положено и сидеть.

Вот, масло расплзается уже по молоку такую дивной плёночкой волнистой. Растёт кружочек жёлтенький, как будто солнышко встаёт. А следователь я красивый очень, поэтому люблю любую красоту. Слова красивые люблю, поэтому красиво изъясняюсь. А вы, наверное, заметили.

Так вот, в проходе и немного под столом, покойница лежит. Нет, лучше так сказать: под сенью моего стола лежит она, нагая. Ха-ха-ха.

Всех-то свидетелей я прогнал, одну только повариху оставил. Марией зовут. Она мне и подносит. А всем известно – следователь я знатный. Потому и потёр запись видеонаблюдения. И личные все вещи пострадавшей, как только обнаружил – уничтожил. Большая удача, что местом происшествия случился ресторан. Нет сложностей с уничтожением улики. Всё в печь! Поскольку, так, с уликами – любой дурак раскроет. А ты попробуй-ка на чистом вдохновении понять, по интуиции, по голый обстановке, ну, в крайнем случае – по выражению лица несчастной жертвы угадать причину, и сыскать виновных.

За то я и люблю работу свою. А что обязан людям правду показать. Дознаться где она припряталась, достать со дна, из-под коряги, как рыбину какую скользкую, и протянуть. Смотрите люди. Вот она, трепыхается в моих ладошках, ещё живёхонькая правда. А мне не сложно. Я так предполагаю: что первым в мою голову пришло, то – будет самая что ни на есть и правда. Методика моя такая. Умышленное фантазирование. Или неумышленное. Это как получится. Или наоборот, но что-то обязательно будет. Или не будет ничего. Но я не расстраиваюсь никогда. Затем я следователь знатный, и штаны у меня... А что это у меня со штанами? Пятно! Какое жирное, большое! Ох, как же дальше следствие вести, не представляю. С таким пятном! Наверное, с яишницы жир капнул. Яишница моя глазунья. Из глаз глазуньи жир стекает, как будто слёзы о покойной. Яишница оплакивает, штаны обкапывает. А я обратно ножку уберу под стол, чтобы невидно. А стульчик узковат.

А всё равно сейчас я мигом раскрою это дело, и даже усложню себе задачу. Установлю причину смерти не глядя на выражение покойного лица. А уж потом, когда созреет гипотеза, мы вместе с вами взглянем на её мордашку, для проверки.

Какая нам приходит мысль, при взгляде на нагое тело? Приходит мысль, что тело – хорошо. Отборное, скажу вам, тело, побольше бы таких.

Итак, что нам расскажут эти ножки? О чем тут шепчутся доверчивые пальчики-аквариумные рыбки, ну-ка? Вы слышите? Нет? Тишина, как под водой. Ну, так. О чём это у нас молчат ступни? Изящные, невинные ступни, и каждая сравнима с морской раковиной где... Ох, жарковато, расстегнусь! ...Где мидия заточена, как девица в своей темнице. Н-да. Мидия. А что-то меня на водную тематику потянуло. Видно неспроста. Ну, пусть ещё потянет, а мы посмотрим, при чём тут вода, и что у нас тут под водой... Игривые, как два морских конька, точёные лодыжки, тугие голени-дельфины, и бёдра-афалины – все молчат, как рыбы. Но следствие на правильном пути. Пучок морской травы, живот и рёбра – напоминают намытое волнами морское дно. Чудно.

Я чувствую, разгадка где-то рядом. И груди! Н-да. Грудь – что тебе две выпуклые медузы расплескались. Мария, молока! И волосы рассыпаны по полу, словно водоросли... Всё! Сейчас откроется причина смерти: падам-бадам, шурум-бурум... Усопшая... утопла! Да, точно. Как пить дать – утонула!

У-уф. С яишницы, конечно, изжога, а молочко изжогу забирает. А маслице – обратно возвращает. И хорошо, и всё, как прежде. А стульчик узковат.

Должно быть, к вечеру газетчики пропишут: «Загадочная смерть в ресторане», «Юная жертва ночи», «Славный следователь Достослад Неспростатович вывел на чистую воду...»

А что следов воды вокруг невидно, так это не беда. Утонула, значит утонула. И мы уже не в силах изменить. На то она загадочная смерть. А для меня подобные шарады – как орешки.

Теперь, как обещал вам, давайте мы гипотезу проверим, взглянем на её лицо. Что ж, выражение лица покойницы – скукоженное, что ли? Как если осьминог, животное морское, все свои щупальцы вовнутрь бы втянул – такое выражение лица получится. Представили? Как будто смерть ей причинила неприятность. Как будто перед смертью она сказала: «Фу, как неприятно». И умерла. Что подтверждает нашу версию. Поскольку, кому ж тонуть приятно? Значит утонула.

А маслице по молочку всё расплзлось, и нет его. Сия молочная стихия поглотила масло. Перешагивай Мария через покойницу-то, давай сюда опять яишницу мою.

А ведь, наверное, найдётся кто-нибудь такой из вас дотошный, который спросит: но, как это, мол, возможно, чтоб без воды и утонуть?

А, вот тебе, возможно! А дело было так, я думаю. Девица шла не в ресторан, а шла она в бассейн. Ошиблась дверью, или улицей, неважно. Тем более, что ночь была. Темно. Невидно. А ночь нужна была затем, чтоб полностью раздеться, и плескаться голышом. Явилась, значит, под покровом ночи, всю скинула одежду первым делом, и ступила в воду. И начала грести, поскольку, всем известно: чтоб не пойти ко дну – потребуется гребля, и движения ногами. Так доплыла до этого вот места, и здесь остановилась. Почуяла неладное, невинными стопами ощутила холод дна.

Теперь, при свете дня, мы с вами видим, что это пол. Нет никакого дна. А ночью всё размыто. Свет выключен, за витражами окон – блики, фонари и дождь. Тем более, что девушка уверена насчёт бассейна. Ей кажется: она стоит на дне, под толщею воды, а воздух где-то сверху. Здесь метров шесть до потолка? На самом деле – ерунда, получше оттолкнуться, несколько хороших взмахов, и выйдешь на поверхность, воздуха глотнуть под потолком. Она отталкивается, опять пытается грести и вынырнуть, и задыхается уже, теряет силы. Кричать нельзя, дышать нельзя – нальётся в лёгкие. Проблема в том, что нет воды. Была бы здесь вода – она б

не утонула! А без воды – опасно. Никак не выплыть без воды! Одни движения руками и ногами. И вот, извольте видеть, захлебнулась.

А никому не посоветую тонуть в пространстве или даже в помещении, где нет воды. Насколько добрый я. Так, воздух получается страшной любого океана.

А жарко, жарковато. Да? Покойница тут очень кстати оказалась. От трупа всё же холодок. А у Марии взгляд ласковый и тёплый. И фартучек, при том, оранжевый. Я думаю, что от неё весь и нагрев идёт. Мария нагревает, а покойница холодит. Ха-ха.

Эх, лёд, ледок, да много наледи, Мария нагревает, покойница холодит.

Приятно всё же в ресторане следствие вести. Стул узковат, но сытно. Или ещё яичницы?

Вот помню матушка всё пирожки пекла и собирала нас за стол. Всех дружных братьев. А сколько было дружных братьев нас? И не припомню. А сколько было пирожков? А это помню, как сейчас. На противень влезало вот так вот три, и так четыре. Двенадцать пирожков. И каждому по пирожку. Двенадцать дружных братьев нас! Да, нас двенадцать было. А следствием команду-то я один. Ах, где ж вы, братья, полюбовались бы сейчас моим успехам.

А что-то я привалился. Сползаю набок. Надо бы поправиться. Ох, а теперь в другую сторону соскальзываю. Ну, всё, вроде бы ровно уселся. А что-то не так с яишницей моей, сереет она что ли? Какие-то вдруг пятна на яишнице, как трупные. В глазах темно. Опять я оползаю вниз. Всё стульчик виноват! А что-то падаю я. Да точно, всё качается, сейчас я упаду.

Упал! Ну, вот. Да прямо на покойнице лежу. И растекаюсь что-то я поверх неё, как одеялом обворачиваю труп, только торчат невинные ступни и милая головка.

А тут ещё покойницы вокруг разбросаны. И сколько их? Так три, и так четыре, двенадцать штук. А это я сейчас двенадцать дел раскрою! А только, сверху-то на них уже лежат. Кто это? Следователи? Кто на них улёгся? Да это ж – братья! Вот вы где братья дружные мои, лежите под столами на покойницах!

А жарко, жарковато. Пол горячий. Железный чёрный пол, как противень, нагрелся. Зажариваюсь я.

Вот чёрт, покойница глаза открыла. Ошибочная, значит, версия моя

Внучек, а ну иди на кухню, к бабушке. А что тут бабушка Маша спекла? Сосиски в тесте спекла. Румяные сосиски. Ай, бабушка Маша мастерица у тебя, и фартучек у бабушки оранжевый, красивый. А посчитай-ка, сколько тут на противне сосисек? Так три, и так четыре. Не знаешь? А сколько часиков у нас в часах на стенке? А сколько месяцев в году? Всё правильно, двенадцать. И ровно столько в упаковочке сосисечек и было.

Румяные сосиски! Одна чего-то кремовая получилась и с пятном. Да и толстенная какая! Так я её сама скушаю, а ты бери другие.

Теория кусочка

Сегодня мы продолжаем наш рассказ о бrynze, как воплощении материи и духа, о бrynze, как праматери Земли. Чертоги смысла нам прикрывает давность лет, однако же, ключом к познанию послужат сами буквы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.